

ХАРЬКОВСКІЙ ДЕМОКРИТЪ.

ТЫСЯЧА ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛЪ!

Издаваемый Василіемъ Масловичемъ.

Всѣ въ ежемѣсячны пустилися изданья.

И словомъ вижу я въ странѣ моей родной -

Журналовъ *тысячу*, а книги ни одной!

МѢСЯЦЪ АПРѢЛЬ.

Х А Р Ъ К О В Ъ,

Въ Университетской Типографіи,

1816 года.

Учрежденный при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Харьковскомъ Университетѣ Цензурный Комитетъ основываясь на донесеніи читавшаго сіе Сочиненіе Профессора Ивана Срезневскаго, печаташе оное позволяше оъ шѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ Публику, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ для Цензурнаго Комитета, два для Департамента Министерства Просвѣщенія, два для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Марша 23 дня, 1816 года.

Деканъ Гавріиль Успенскій.

І.

П О Э З І Я.

І.

У Т А И Д А.

(Колическая Поема.)

Содержаніе второй пѣсни.

Призываніе восторга — радость Марьи — печаль Зашѣя — онъ никакъ не можешь выдумать именъ для дѣшей своихъ — Марья ихъ называетъ — обыкновенное занятіе Зашѣя и Марьи — разсужденіе о женщинахъ — ростъ Утая и Утки — сила Утая.

О краткіе часы восторга, испупленій,
Въ которы началъ я Утая воспѣвать!
И ты, крылатый *Геній*!
Коль могъ тебя вмѣщать,
Вѣщайте мнѣ когда чердакъ мой посетите,
Когда вторую пѣснь окончите, скажите?
Я долго боленъ былъ, и весь изнемогая,
Позабывалъ себя, не забывалъ *Утая*!
Въ большомъ бреду, жару его воспоминалъ,
И только для *него* на свѣтѣ бытъ желалъ.
Не только для *него*, еще есть двѣ причины,
Для коихъ не желалъ въ болѣзни я кончины;
Причина первая: *еще хотѣлось жить!*

Подземный узкій домъ не могъ пріятень бышь;
Вторая: былъ школяръ, и для того боялся,
Дабы я школяромъ на вѣки не остался.
Не ужь ли для того былъ долженъ видѣть свѣтъ,
Чтобы въ восемнадцать лѣтъ, въ школярствѣ
умереть!

Я, кажется, рожденъ для благородной цѣли,
Чтобъ въ мірѣ семь играть на лирѣ и свирѣли,
И для того хочу подолѣе пожить . . . .
Но полно попусту такъ долго говорить,
Чтобы чипашель мой не вышелъ изъ шерпѣнья,
Не началъ бы меня бранишь за разсужденья;
А я съ чипашелемъ ругаться не хочу,
Въ его угодность замолчу.

Мои чипашели мнѣ украшенье, слава,
Такъ долженъ ли я имъ за это досаждашь?

Нѣтъ, нѣтъ, любезный Савва!

Въ угодность я твою не буду разсуждашь,
И шестиспопными, *аршинными* стихами,
Не стану твой языкъ и слухъ опягощашь,
Клянуся крапками спроками

Тебя плѣняшь и услаждашь! (*)

(*) Нѣтъ зла безъ добра! Не будь я тогда боленъ, — по
вторая пѣснь Ушая не имѣла бы приступа; а гдѣ
нѣтъ приступа, тамъ нѣтъ и окончанія. И такъ, Госпо-
жа Горячка! я вамъ очень обязанъ за ваше тогдаш-
нее милосливое посѣщеніе. Вы причина бышю впо-
рой пѣсни, слѣдовательно и послѣдующимъ; а посему и
Харьковскому Демокристу; — ибо Ушай былъ
вѣрнымъ запасомъ и основаніемъ, на копоромъ вздумалъ
я воздвигнуть се Изданіе. Можеть бышь кто,

Когда запѣй охолодился,
И жаръ его когда поухъ,
Онъ въ важны мысли углубился,
Къ воспоргамъ Марьинымъ былъ глухъ.
И Марья какъ ужъ ни кричала,
Чего не дѣлала она?
Плясала, шопала, скакала,
Вошь какъ прямая Сашана!
То дочку чмокнешъ, то къ Запѣю,
То мигомъ къ сыну подбѣжишь,
Чуть, чуть себѣ не сломить шею,

изъ чашапелей хочешъ здѣсь прибавишь, что Гж. Горячка естъ также и причина темерешней его зѣвоты; а посему и хорошаго сна: всё таки добро, ибо кто хорошо спитъ, тотъ наслаждается первѣйшимъ благомъ сего Мира, ш: е: здоровьемъ, а кто хорошо и много спитъ, тотъ еще имѣешъ всё право на будущую награду! по словамъ извѣснаго Лашинскаго (а посему и справедливаго) силлогизма: *Qui bene bibit . . .* только первое предложеніе должно превратить въ *Qui legit D...* что и составишь слѣдующій, во всей формѣ Аристотелевской силлогизмъ:

Qui legit De. . .

Bene dormit,

Qui bene dormit, non peccat,

Qui non peccat, sanctus est;

Ergo, qui legit De. . . sanctus est.

И такъ, Господа! ежели хопите бышь блаженными, такъ разбирайте Демокрита! . . .

Ни какъ на мѣснѣ не сидишь,
Ревешь отъ радости, мяучишь,
Пищишь,
Визжишь,
Кричишь,

Ну, словомъ, чоршь старуху мучишь!
Затѣй же всё молчишь, молчишь,
То лобъ почешешь, то скривишься,
И кто не знаетъ, заключишь:
Рѣшишь *проблему* онъ трудился.
Но не въ проблемѣ дѣло было,
На что ему проблемы знашь?
Но вошь его что суешило:
Не зналъ, какъ дѣшочекъ назвашь.
*Сергѣй, Уласъ, Кирбитъ, Лаврентій,
Демьянъ, Стеланъ, Трофимъ, Самсонъ,
Лука, Фома, Давидъ, Аксентій,
Михайло, Прохоръ, Спиридонъ,
Аукерья, Анна, Евдокія,
Марьяна, Мавра, Тимофей,
Федора, Фекла, Прасковія,
Кулина, Марья, Дорофей,
Петръ, Павелъ, Александръ, Василій,
Романъ, Никита, Алистратъ,
Ефимъ, Игнатъ, Кузьма, Перфилий,
Пантелемонъ, Егоръ, Панкратъ....*
Всѣ, словомъ, свящцы до листочка
Дѣдъ бѣдный шихо прошепшалъ,
Однакъ для дочки и сыночка
Онъ выбрашь имени не зналъ.
„За чѣмъ ты, старый дѣдъ! косишься,

Затѣю Марья говоритъ,
О чемъ, кручинишься, морщишься?
Перемѣни медвѣжій видъ,
Вошь дѣшочки! любуйся ими,
Маленько съ ними поиграй....
— Прошу тебя, рѣчьми шакими,
Спаруха, мнѣ не досаждай.
Не даромъ говорятъ: спарухи
Куды охочи до вранья,
И пренесносны лепешуки.
По слушай, старая! меня:
За чѣмъ кривлюся, есть причина,
За чѣмъ не весель, тоже есть:
Не пыль для дочери и сына,
Не пы ли имя можешь сплестъ?
На это Марья шакъ сказала:
Я имя дочкѣ ужъ дала,
Не думала, не хлопотала,
А *Уткой* проспо назвала.
— Дочь *Уткой* назвала! ты права:
Дочь изъ ушинаго яйца,
Тебѣ спаруха! честь и слава,
Да какъ назвать бы молодца?
Давай, спаруха! попытаемъ,
Чась добрый, можешь приберемъ;
Да какъ бы намъ его?.... *Утаемъ*,
Родимой бацька! назовемъ.

Тупъ дѣдъ Затѣй отъ умиленья
Спаруху началъ обнимашъ:
Какіяжъ дѣлалъ онъ движенья!
Нельзя никакъ ихъ описашъ,

Ни разсказать,
А развѣ въ сказочкѣ солгать.
Но мы вранья писать не любимъ,
Одну лишь правду говоримъ,
И въ сошню разъ умнѣе будемъ,
Когда объ эпосѣ умолчимъ.

Прошло дни два, — и при, — чешыре,
А можешь бышь и десянь дней:

Ушихъ Зашѣй,
И всё въ его усихло мѣрѣ.
Зашѣй по прежнему въ кануркѣ
Опъ ухра до ночи сидѣль,
Коль скучно было, кушаль булки,
А булокъ нѣтъ — хлѣбъ чорный ѣль.
Сшаруха же всё то шворила,
Что добра машь въ дому шворить:
Прилѣжно за дѣтьми ходила,
Сшаралася, чтобъ мужъ былъ сынь,
Чтобъ было чисто всё, опрятно,
Во всемъ хозяйство наблюдать:
О какъ должно бышь тамъ прѣяшно,
Гдѣ добрая такая машь!
Тамъ нѣтъ ни сварь, ни ссорь, ни драки,
Любовь лишь тамъ и шишина,
Тамъ не грызутся, какъ собаки,
Гдѣ добрая живешь жена.
Хошя такія рѣдки жоны,
Но можно ихъ еще сыскашь:
Онѣ блестяшь сквозь миліоны,
Легко ихъ можно распознашь.
Равно легко и ошибитесь,

Шумиху золопомъ почешь,
Она какъ золото яснился,
Однако золото ли есть?....
Но полно! я опять съ дороги
Большой въ проселочну иду,
Измучу шолько эшимъ ноги,
А больше проку ненайду.
И такъ оставимъ жонь — къ Ушаю,
Къ его сесприцѣ завернемъ,
Чудесь мы множество найдемъ,
По крайнѣй мѣрѣ такъ я чаю.
И впрямь, пока болшаль пущое,
Мои Герои подросли,
И чуть ли, чуть ли не были
Они повыше гуся въ двое.
Ушай въ особенности росъ,
И въ каждый часъ въ такую мѣру,
На сколько вздергиваетъ носъ
Надушый хвашикъ Бекоѣосъ
(Что даже превышаетъ вѣру!):
Здѣсь кой - что нада бы сказать
О носѣ семь, смощращемъ въ гору,
Но чтобъ не всё ужъ опстунать,
Скажу объ немъ въ другую пору.
Сестра же *Утка* подрасталала
Не такъ, какъ братъ ея *Утай*;
Но въ день шестой такая спала,
Хоть подъ вѣнецъ ее давай!
Ахъ не завидна ли, дѣвицы!
Такая участь *Утки* сей:
Спашна, невѣста, краснолица,

Пришомъ недѣли нѣшу ей?
Всѣ дѣвушки конечно знаютъ,
Что здѣсь бы я еще сказалъ,
Когда бы ихъ не почипалъ:
Мущины сами пусть гадаютъ.
Она казалась лѣтъ въ пятнадцать,
И ростъ престала наконецъ,
Не росъ и братъ, и былъ лѣтъ въ двадцать,
И впрямь прехвашкѣй молодець!
Глаза — какъ огонь въ ночи свѣшили,
Ногой — гдѣ спушишь, шамъ шрецишь,
Предъ нимъ сполѣтши дубы, хилы:
Онъ ихъ мизинцемъ повалишь!
Херсонъ, Бова и Ерусланы,
И всѣ Царевичи *Иваны,*
И даже *Муро.нецъ Илья,*
Предъ нимъ въ точь были то, что я!
Тобой вторую пѣснь кончаю,
Богиня костяна нога!
Тебя молю, къ тебѣ зываю,
Сѣдая бабушка *Яга!*
Снабди, всеильная! совѣшомъ,
Руководи младымъ пѣвцомъ,
Чтобъ мой Герой предъ цѣлымъ свѣшомъ
Въ грязь не ударился лицомъ.

Мслечъ.

2.

О Д А.

С. . . . .

Умолкни все! — внимай, вселенна!
А пы, о Лира вдохновенна!
Звучи, — бряцай, греми, воспой:
Не пигра кровью обогрелна —
Героевъ слава будь презрѣнна,
Чшо рушатъ нашъ и всѣхъ покой!

*

Когожъ мой духъ хвалишь желаешь,
Кого онъ выше поспавляешь,
Чѣмъ вишязи, богашыри,
Кому онъ зиждешь олтари?
Не божестволь какое Неба
Ты воспоешь, питомецъ Феба?

*

Да поржествуетъ нынѣ свѣтъ!
Подъ пѣснь скачите, элементны!
Пляшите, Харьковски Спуденны! (*)
То мой прїятель и сосѣдъ.
Его, его я воспѣваю —
Въ числѣ созвѣздій помѣщаю!

*

(*) Сочинитель былъ тогда при Университетѣ и разумѣетъ
здѣсь одного Спуденна.

Хоть много ты шворилъ чудесь,
Но ты съ своею кожей львиной,
Съ тяжелой, грозною дубиной —
Предъ нимъ ничто, мой Геркулесь!
Ничто предъ нимъ Персей, Язонъ:
Времень краса и диво онъ.

*

Какой же подвигъ онъ свершилъ?
Онъ устрашилъ и борщъ, и кашу,
И Вакхову священну чашу,
Прехрабро съ пуншемъ проглотилъ!
А больше тѣмъ восхитилъ Музу,
Что мѣшко понадаешь въ лузу!

*

С.....! здравствуй на всегда!
Геройствуй съ кашей безъ вреда,
Да будешь юный Вакхъ съ побою,
Да узришь Грацій ты съ собою!
Се мой къ тебѣ усердья гласъ,
Ты съѣшь его, какъ ананасъ.

1805 года. *Нахимовъ.*

О Граціи. (*)

Почтенны Господа Словесна Факультета
О милой Граціи ждущь отъ меня ошвѣща:

• Божественный Платонъ,
Беати, Мендельзонъ

И Сульцеръ, Монтескье, и Гагедорнъ, и Гомы,
Писали полстныя о сей Богинѣ томы,

Писали — но моглиль они ее открыть?

Я въ эпомъ случаѣ скажу, какъ Симонидъ:

„Чѣмъ больше думаю о Граціи любезной,

Тѣмъ больше вижу я, что трудъ мой бесполез-
ной.“

О Грація! тебя лишь можно ощущать

Но дерзновеніе тебя опредѣлять!

Чѣмъ, чѣмъ Филологи тебя не величали?

Тебѣ всѣ имена пріятны приписали:

Любезность, простота

И скромность, миловидность,

Плѣнительность и чистота,

Простосердечіе, невинность....

И словомъ тысячу именъ имѣла ты,

И въ видѣ прелести, и въ видѣ оспроты,

Очаровательнымъ глазамъ ты ихъ являлась,

Однако и поднесъ загадкою осталась.

Въ твореньяхъ многихъ ты пѣвцовъ

Свой пронъ имѣешь изъ цвѣтовъ,

(*) Это одинъ изъ четырехъ письменныхъ вопросовъ, данныхъ
мнѣ по случаю экзамена....

Надъ коимъ ты вишаешь,
Но ясно никому себя не открываешь.
Довольно голову ломашь:
Я рѣчь о Граціи въ осьми строкахъ скончаю,
Я *дочерью* ее Минервы называю,
Она Анакреонту — *мать*,
Горація — *подруга*,
Тибуллова — *супруга*,
Назонъ — *двоюродный* ей *братъ*,
Гомеръ ей *дядя* и *Виргилій*,
Волперъ ей *сватъ*,
А Тредьяковскій нашъ *Василій*
Для ней *лютѣйшій шахъ и мать!!*

Мслвчъ.

Б А С Н И.

4.

Юпитеръ и Неполыри.

О просвѣщеніи Юпитера просили
Неполыри, хошя во тѣмъ щасливо жили
Смѣясь Юпитеръ пварямъ симъ,
Тотчасъ исполниль ихъ прошенье:
Въ жилище мрачное гнилушку бросилъ имъ,
Сказавъ: Неполыри! вошь ваше просвѣщенье.

Налимовъ.

Саксонскій Мужикъ.

Карль Готтфридъ Робертъ Ефраимъ :
Сїи бы имена дашь можно чешверымъ,
Но шакъ одинъ мужикъ Саксонскій назывался;
Однажды съ сыномъ и съ женой,
Въ день праздничный — зижой,
Онъ басни Геллерта чипаль и восхищался!
Въ иныхъ онъ басенкахъ смѣялся,
Въ другихъ же находиль полезнѣйшій урокъ:
Женѣ — чшобы имѣть короче язычокъ,
Ребяшамъ — машери, опцу повиновашься,
А для себя — въ корыснѣ и въ скупость не
вдавашься.

Вопшь какъ Саксонски мужики
Воскресны дни проводятъ!
И, какъ Москаликъ, въ кабаки
Не ходяшь, —
Чшобъ шамъ буянишь, горло драшь,
Свое здоровье пошеряшь.

Мслвчъ.

6.

Пчолка. (*)

Пчолка маленька лѣшала
Со цвѣпочка на цвѣпокъ,
И съ жужжаніемъ вбирала
Въ свой желудокъ сладкій сокъ.

Пчолка! ты не осторожна
(Такъ Лизета говоритъ),
Цвѣль сосать не всякой должно:
Ядъ въ иныхъ цвѣсахъ сокрытъ.

Эшо я довольно знаю
(Пчолкинъ Лизѣ былъ отвѣтъ),
Ядъ въ цвѣтахъ я оставляю,
А себѣ — беру лишь медъ.

Мслевъ.

7.

Воззваніе къ Конямъ одного Коня.

Друзья, поварищи! доколѣ —
Носить вы будете яремъ?
Жить у разбойника въ неволѣ,
И слушаться его во всемъ?

(*) Изъ Глейма.

Не ужь ли будущь насъ во вѣки
Посыдно угнѣпашъ жестоки человекѣки? “
Въ коньшиѣ барской шакъ молодой ржалъ бодрой

Конь:

Къ свободѣ лошадей хотѣлъ подвигнуть онъ.
„Забудемъ рабство мы, свободу вспомняемъ,
Въ дремучіе лѣса, въ пространны сени гря-

немъ,

И памъ по прежнему, въ блаженной тишинѣ,
Какъ въ вѣкъ златой, наспись однѣ,

И живишь, какъ предки наши, будемъ!

Забудемъ хищниковъ, тиранство ихъ забудемъ!
Покажемъ свѣту мы достойнѣйшій примѣръ,
Отъ власти варварской какъ должно свободж-

дамся!

Тогда, конечно, каждый звѣрь

Начнетъ обороняться,

И вольность древню сохраняя,

Почтеть всей славою почтеннаго Коня:

Явите, лошади! достойными себя!...

Чѣмъ хуже мы людей? — скажите,

Иль можешъ быше мы ихъ слабѣй?

Нѣтъ, мы ихъ въ сошеро сильнѣй. —

Такъ чтожь, поварищи! вы спите?...

Не ужь ли можете спокойно вы смотрѣшь,

Какъ васъ съ презрѣньемъ запрягаютъ,

Какъ мучашъ васъ, и какъ стегаютъ?

Довольно, лошади! нѣтъ, нѣтъ! —

Нѣтъ больше силъ къ терпѣнью!

Свобода! нашъ сигналъ къ сраженью....

Не уже ли еще кричашъ я принужденъ,

Что вольность лучше нежели плѣнь? —
За дѣло правое пусть лькнется крови рѣки —
Да здравствуютъ кони и гибнутъ челобѣки!“
Симъ кончилъ рѣчь второй сей Цицеронъ,
И съ благородствомъ каждый Конь
Свобода! закричалъ и началъ рвать удила...
Туть не могло ничто прошивиться ихъ силѣ,
Имъ возвращень ихъ вѣкъ злапой,
Блаженство и покой!

*

Злодѣй, въ сей баснѣ — Галль, а лошади суть —
Нѣмцы,
Младой же, бодрой Конь
Германскій Цицеронъ, (*)
Котораго послушались Соземцы.
Мслвчъ.

Е П И Г Р А М М Ы.

8.

Б о л т у н у.

Великій слышу громъ, Егорь! изъ твоихъ усть;
Шумишь какъ барабанъ; но шакъ же ты ипусти!

*

(*) Раупахъ. Смотри: славное его воззваніе къ Германцамъ.

9.

Сновидѣніе.

Какую я во снѣ зрѣлъ страшную мечту!
Что будто бы я меривъ, зрю въ домѣ суету,
Стенанье, вопль и плачь!
Лишь двое прыгають — ктожь? — Попъ, да
Врачь!

*

Ю.

Невѣроятный слухъ.

Что слышу? говорятъ, что разны сочиненья,
Какъ то: рецензію и длинны разсужденья
Готовятъ для тисненья!
Помилуйте! ужель печатныхъ мало вракъ,
Въ кощорыхъ продають на площади шабакъ.
Нахмловъ.

II.

Къ Мѣновщикамъ на столахъ.

Насмѣшники! на что публично, средь базара,
Вы перья съ деньгами кладете въ знакъ повара?
Р. С.

Предсказаніе.

*(По случаю тѣсной дружбы Р. Пола.
съ Нѣмецк: Пасторомъ.)*

Съ медвѣдемъ спанешъ быкъ ходишь обнявшись
брашски,

И съ ястребомъ начнешъ лобзаться голубокъ,
„Ахъ! здравствуй, кумушка!“ свечкѣ скажешъ
волкъ,

Съ улыбкой райскою, безъ прежней злобы адской!
Настанешъ тишина на сушѣ и моряхъ,
Любви возникнешъ храмъ — вездѣ, во всѣхъ
сердцахъ,

И словомъ, скоро къ намъ злшый вѣкъ возвра-
пшся,

Коль могъ съ Пасторомъ Попъ жишь *вмѣстѣ* и
дружится!

Нахимовъ.

13.

Новванскому.

Прохожій! кончена Новванскаго судьбина:
Проживши шестьдесятъ онъ лѣтъ,
Въ другой переселился свѣтъ;
А здѣсь оставилъ дочь, да сына. (*)

14.

Младенцу.

Въ могилѣ сей цвѣтами украшенной,
Младенецъ! почивай:
Ты *малостью* швоей спасенной —
Тебѣ награда рай!

Мслвчъ.

15.

Мнѣ.

Что сдѣлалъ я, какъ въ мѣрѣ жилъ? —
Лѣтъ сорокъ шло бренное влачилъ,

(*) Ежели читателямъ не покажется сіе надгробіе, не я виноватъ; а дочь Г. Новванскаго, она просила меня, чтобъ именно помѣстивъ, что отецъ ея прожилъ 60 лѣтъ, и оставилъ дочь и сына.

Прекрасныхъ пятьдесятъ (*) любилъ,
Но ни одной я не былъ милъ!
И умеръ опъ того. Меня въ могилу положилъ
Отець Памфиль.

Г. К.

16.

Описаніе славнаго парика И. И. Р.

Парикъ сей рѣдкой, дорогой,
Имѣешь вѣсу четверть пуда,
Онъ сдѣланъ хитрою рукой
Изъ нѣжныхъ волосковъ Верблюда;
Защылокъ, брови и виски,
Большой парикъ сей покрываетъ,
Какъ печь, плѣшь въ стужу нагрѣваетъ
И жмешь ее такъ, какъ писки.
Придѣланъ къ парику широкій,
Французскій назади пучокъ,
А на срединѣ превысокій
И пышный вѣшается *à la coq*.
Но что еще милѣй и краше
Всего, о немъ что молвилъ вамъ:
Огромны пукли въ при ешажа
Нависнули по сторонамъ!
Къ помужь, напередѣ успроенъ
Послѣдней моды лавержеть:

(*) Вѣрно со справкою моего любовнаго архива.

Онъ удивленія достоинъ!
Симъ кончу парика портреть.

Нахилковъ.

Піесы Рускаго Солдата.

17.

Посланіе Марса къ Аполлону.

Въ Олимпѣ мой содругъ почтенной,
Возлюбленной о Зевсѣ братъ!
Сойди съ горы своей священной,
И мнѣ позволъ себя обнять.
Ты богъ наукъ — а я богъ брани,
Ты краснословъ — а я солдашь,
Въ твоихъ рукахъ перо — а у меня мечъ въ
длани; —
Но не смотря на то, мы всё родня съ тобой.
Хотя ты съ Музами бесѣдуешь спокойно,
Когда я въ ночь не сплю, а днемъ пускаюсь въ
бой;
Но честь тебѣ воздашь достойно,
И лавръ твоя — знаетъ Зевсъ — не лучше
моего? —

Довольно ужъ того

(И мнѣ не стыдно въ томъ признахся),
Что безъ сыновъ твоихъ не могъ бы я сра-
жаться.

Да къ спашѣ! вошь одинъ,
Брадашой Эскулапъ, твой сынъ,

И на квартирахъ и на службѣ
Всегда, по старой нашей дружбѣ,
Старается мнѣ помогать ;
Однакъ, чтобъ слишкомъ не солгать,
Признаюсь, многіе какъ Эскулапъ одѣши,
Но сомнѣваюсь, законныелъ всѣ дѣши?
Оставя всё — съ тѣхъ поръ, какъ мы, въ по-
слѣдній разъ,
Разспалися съ тобой, — когда всемогущій гласъ
Судьбы созвалъ боговъ, чтобы они въ совѣтѣ
Рѣшили участь двухъ великихъ царствъ на
свѣтѣ,
Кто долженъ пастъ иль Россъ, иль дерзновен-
ный Галль :
На Руской сторонѣ Юпитеръ первой спалъ
И Россу громъ опдалъ.
Минерва близъ Царя возсѣла на престолѣ,
Чтобъ нивы уплучнить пошла Церера въ поле,
Нептунъ же обѣщаль, со стороны своей,
Беречь Россійскихъ кораблей,
Подрядчикомъ бышь Бакусъ взялся,
А ты — пошолъ героевъ пѣть,
Я въ службу къ Рускимъ записался;
Но знаешь ты и знаетъ себѣшь,
Что мы давно съ Венерой въ дружбѣ:
Еи захотѣлось тожъ служишь въ Россійской
службѣ;
И такъ, рѣшилася разумножать народъ,
А послѣ мнѣ моргнула
И на ушко шепнула,
Что если Рускіе герои черезъ годъ

Съ побѣдою назадъ *здоровы* возвращаясь,
Красавицы для нихъ дес. лками родятся.
Ревнивой и хитрой Вулканъ, ея супругъ,
Кошорой былъ всегда Сарматамъ вѣрный другъ,
Увидя, что они держались Корсиканца,
Оставивши родныхъ, избрали иностранца,
Рѣшился Галламъ помогать; —
Но пробудился вдругъ Сарматъ,
Воспаль! — геройску вспомнилъ славу,
Отъ коей имена произошли Славянъ,
Обнялъ, какъ братьевъ, Россіянъ.
Тогда Вулканъ что насъ терпѣть не могъ до-
шолъ,
Намъ стрѣлы сталъ ковать, хотя и по неволѣ.
Но думаешь — что насъ оставилъ Купидонъ?
Нѣтъ, — много помогалъ намъ на кварширахъ
онъ!
Юнона гордая, — та спала повисухой;
Цибелла, будучи старухой,
Зарокъ дала молебны пѣть,
Чтобъ Руской могъ успѣхъ имѣть. —
Эрмій курьеромъ подрядился;
Одинъ Плутонъ тогда спыдился,
Что Рускимъ онъ еще ничемъ не услужилъ;
Однакъ подумавши, пряхнулъ съдой главою,
Сказалъ: не шумяте вить съ войною!
И Элисейскія пошире разтворилъ.
Увы! — старикъ нашъ не ошибся
И, кажется, изъ всѣхъ намъ больше прислужился,
Теперь, когда боговъ соборъ
Для службы Россіянъ оставили свой дворъ,

Одна безумная, кровавая Беллона
Востала за Наполеона. —
Извѣспенъ всѣмъ конецъ войны,
И многіе твои сыны
Воспѣли гимнь Царю и храброму народу,
На память вѣчную предбудущему роду.
А мнѣ, признайся въ шельмъ, войны наскучилъ
громъ:
За моремъ хорошо, а всё милѣе домъ,
И я пришелъ теперь на зимнія квартиры
Твоей послушашъ сладкой лиры.
Обнимемся, мой брашь! — пы пихъ, сидишь въ
дому,
Но худо безъ тебя мнѣ въ полѣ одному:
Не мужество одно, не мѣщныя лишь руки
Къ побѣдѣ, болѣе способствуюшъ науки.
Мой брашь! — пы въ сей спокойной часъ
Приготовляй къ побѣдамъ насъ;
Замѣнимъ, между шѣмъ войну, вѣнцы кровавы,
На миршы, на любовь, на брашскія забавы —
Извѣспенъ всѣмъ давно съ Венерой мой союзъ,
Но къ Граціямъ пришли въ компанію и Музы. —
Р. С.

18.

Свиданіе Марса съ Венерою.

Изъ походовъ трудныхъ — дальнихъ
Возвращался богъ войны,
Сердце билося въ героѣ, —

О Венерѣ думалъ онъ:
„Скороль я въ Олимпъ прѣйду? —
Скоро ли увижу шу,
Съ кѣмъ бывало въ часъ покоя
Громъ войны я забывалъ?
(Хоть украдкой отъ Вулкана,
Тѣмъ щастливѣе я былъ!)
Въ дальнихъ я земляхъ походомъ
Былъ и видѣлъ красоты,
Но тѣ красоты земныя,
А то мать любви — красотъ.“
Такъ Герой въ пуши мечпашъ —
Конь ленишь подъ нимъ стрѣлой,
Всадникъ бодцемъ подстрекаетъ:
Вотъ прѣйхалъ ужъ домой.
Марсъ отъ радости прелещеть,
Съ пошнаго вскочилъ коня,
Всходитъ скорыми шагами
На широкое крыльцо:
Онъ въ палату входитъ Зевса,
Гдѣ собраніе боговъ,
И къ престолу Громовержца
Смѣло подступя — опдалъ
Первое почтенье Зевсу —
По поклону всѣмъ богамъ. —
Ищеть взорами Венеру:
„Гдѣ богиня красоты?
Гдѣ предметъ моихъ желаній?
Гдѣ утѣхъ и щастья край?“
Тутъ Эрмій съ лукавымъ взглядомъ
Покачавши головой,

Показаль ему Вѣтеру. —
Марсъ поспѣшно подскочиль,
Но — увидѣвши сшаруху —
Богъ войны ошолбенѣль,
Ахнулъ громко — рошъ разинуль —
Три шага ступиль назадъ. —
Всѣ богини засмѣялись,
Боги начали чихать —
Самъ Юпитерь усмѣхнулся
И герою такъ сказалъ:
„Что съ побой за перемѣна?
Не ужели средь войны
Трепешаль ты такъ отъ страха?“ —
„О Юпитерь! пощади
Отъ насмѣшекъ въ часъ ужасной,“
Марсъ, стеная, отвѣчалъ,
„Съ адомъ лучше мнѣ сразиться,
Чѣмъ увидѣть, что теперь. —
То, что было ангель свѣша,
Что ты сдѣлалась теперь!“ —
Тутъ Венера, взявшись въ боки,
Подступила, изкривясь:
„Что за дерзость?“ — закричала, —
„Что ты смѣешь говорить? —
Таль награда за утѣхи,
Что со мною ты вкушалъ? —
Еслибъ я и постарѣла,
Развѣ ты помолодѣлъ?“ —
— „О Венера! (если можно
Такъ тебя еще назвать)
Я вишь воинъ — я мужчина:

Какъ же можно укоряль,
Что бѣлизны и румянца
Нѣтъ на Марсовомъ лицѣ? —
Еслибъ мудрая Минерва
Похуд ла отъ трудовъ,
Еслибъ добрая Церера
Загорѣла отъ жаровъ,
Еслибъ гордая Юнона,
Презря красоту лица,
Въ чувствахъ царскихъ и высокихъ
Находила красоты:
Мудрость — пользу почитая,
Я колѣнабъ преклонилъ,
И любви упрата сладость,
Меньше бы несчастливъ былъ.
У тебя-жь, скажи безстрастно,
Что осталось шеперь? —
— „Ахъ, злодѣй! — тебѣль шакъ смѣло
Предо мною говоришь? —
Боги! — знаете вы сами —
Какъ обидѣль онъ меня:
Въ часъ, когда судьба велѣла
Марсу Россовъ защищать,
Сей измѣнникъ — ночью смѣло,
Даже Граціи не спросявъ,
Въ шеремъ мой пришелъ шихонько: —
(Я въ слезахъ тогда была)
Тихимъ шагомъ и печальнымъ
Онъ подходитъ ко одру, —
Гелосомъ умильнымъ, спрашнымъ,
Онъ прощается со мной. —

Что онъ говорилъ — не помню —
Но — о Боги! въ эпошь мигъ,
Что я чувствовала въ сердцѣ?
Жалость — стыдъ — любовь — боязнь.
Я забылась... и, въ минушу,
Поясъ мой украль злодѣй,
Поясъ пошь, что былъ причиной,
Что Парисъ и въ нагошѣ
Предпочель меня богинямъ
Мудрости и горникъ мѣстъ. —
Нѣтъ силъ болѣ — вы судите,
Что безъ пояса краса?....
Если правда есть въ Олимпѣ,
Пусть злодѣй сей приметъ казнь! —
Съ шѣхъ поръ вяну и старѣю;
О! — почто безсмертна я?
Смерть не лучшель для Венеры,
Чѣмъ съ морщинами лицо?“ —
Боги — даже и богини
Сжалились погда надъ ней.
„Что ты скажешь?“ — грознымъ пономъ
Марса Юпистеръ спросиль.
„Я —... не знаю — и — не вижу
Никакой обиды въ семь:
Разлучаяся на долго,
Поясъ я на память взялъ.“ —
„А! — на память — ну! — шакъ помнижь —
И возьми ее къ себѣ, —
Ужь Вулканъ ревнивъ не будешъ,
Вить она не хороша.“
Тушь Вулканъ, хромой ногою

Шаркнувъ, Зевсу опдалъ честь:

„Правда, Богъ! — отецъ! ни мало
Не прощивлюсь я шому,

И отъ всѣхъ претензій правныхъ
Откажуся навсегда.“

Вдругъ Минерва свѣтлымъ окомъ
Обозрѣла всѣхъ боговъ: —

„Всѣль согласны?“ — „всѣ согласны!“ —
— „Я покровъ ей опдаю.“ —

— „Какъ? — что? — гдѣ? — кому? — откуда?
Поюсь вѣчной красоты?“ —

„Да! — Минерва отвѣчала,
Я для ней другой сошкала,
Чтобы первый замѣнить.“

Р. С.

19.

Разговоръ прїѣзжаго съ жителемъ.

Прїѣзжій. — Здѣсь мрутъ десятками — что
это за причина?

Житель. — Не знаешь ты причины сей?

Какой ты простачина! —

Вишь съ войскомъ прибыло не мало лѣкарей.

Руской Солдатъ. (*)

(*) Издашель еще въ Мартѣ получилъ пѣсы Р. С. но помѣ-
спитъ въ прошедшемъ мѣсяцѣ было уже не можно; по-
тому, что з. Н. Х. Д. почти былъ уже гошовъ. Издашель
узналъ и наср оящую фамилию Россискаго Солдата, и дол-
гомъ успавляешъ лично благодарить Героя за то уни-
мане, какое онъ оказалъ тысяча первому журналу;
какъ рав. омѣрно и за преучивое письмо, которое издашель
имѣлъ честь получить вмѣспитъ пѣсами. М.

11.

П Р О З А.

20.

Ужаленіе пчелы

и л и

первой поцѣлуй.

(Съ Нѣмецкаго.)

Осѣняемый жасминовою бесѣдкою и окруженный благовоніемъ цвѣповъ оной, сидѣлъ я нѣкогда между Аманшою и Филлидою. Мы радовались веснѣ, и глаза наши насыщались прелесными цвѣшущей юноши. Вдругъ пчелка въ легкомъ полетѣ зажузжала около кудрей Филиды, и ахъ! паспущка была ужалена прежде, нежели могла осмошрѣшься.

„О бровь моя! вскричала она: милая подруга! о какъ больно! будшо опъ пысячи уязвленій. Ахъ! уже пухнешъ бровь моя. Какою же буду я казаться!“....

„Не воздыхай, сказала Аманша, и оперла слезы на щекахъ ея; смопри! уязвленіе легко; бѣдное насѣкомое жалишъ по невинности своей, не вѣдая что шакъ много вредишъ.

Вотъ я вынула уже ядовитое жало, а помощію волшебной силы чарованія, немногими псайнственными приговорками, мгновенно упищу боль твою. Знай: одна Нимфа научила меня псайнству сему, и я, въ благодарносшь за то, жертвую ей каждую весну корзиною наилучшихъ и любимѣйшихъ цвѣтѣвъ моихъ.“

Нѣжно прикоснулась она розовыми усами до брови дѣвицы Филлиды; пошомъ съ важностію прошептала невнятную чарованельную приговорку, и, чудо изъ чудесъ! — силою ли волшебнаго шептанія или дѣйствіемъ прекрасныхъ, плѣнительныхъ губъ — короче сказать, мученіе пашушки окончилось мгновенно. — Радосшь и сладостное упоеніе опять окружили чело любезнѣйшей невинности. —

Что я чувствовалъ тогда? — Въ безмолвномъ испупленіи пашаясь любовнымъ пламенемъ, давно уже пославлялъ я все счастье мое насыщаясь прекраснымъ взоромъ Аманпы и слышатъ пріятный голосъ ея, раздающійся подобно звуку тихо журчащаго ручья; но теперь спроси мои заговорили смѣле, возбудилось желаніе, никогда еще неощущаемое. „Прекрасныя губы! говорилъ я самъ себѣ, о

розы! о румянецъ! о если бы беспре-
спанно увиваясь около нихъ прильнушь
къ нимъ навсегда и сокровенно вдыхашь
сладость любви. — Ахъ! кто бы не оп-
далъ за такую цѣну прекраснаго Мая
жизни своей!“

Любовь богата хипроспями, а въ пы-
лу страстей даже и самой робкой чело-
вѣкъ дѣлается смѣлымъ. Я не долго вы-
мышлялъ, и невинной обманъ былъ уже го-
товъ.

„О губы мои! возопилъ я, какое ад-
ское мученіе! онѣ горятъ, горятъ несно-
снымъ пламенемъ! о проклятое насѣко-
мое! Уже весь ротъ пухнетъ! — ахъ
Аманша! — Но ты не проспишь мнѣ сего,
ты по дѣвичей спыдливости поипчасъ убѣ-
жишь, лишь только по услышишь. — О
проклятое насѣкомое! какая же нестер-
пимая боль! мои губы горятъ, горятъ у-
жаснымъ пламенемъ! — Милая пашушка!
не осердись: я долженъ, долженъ про-
сипть, ибо кто не любитъ жизни своей?
Скажи, не помогаетъ ли по легкое сред-
ство доброй Нимфы также и юно-
шамъ? — А ежели оно можетъ пособитъ,
по спаси, милая! отъ боли моей, ахъ! мо-
жетъ быть отъ смерти, меня. У ногъ

твоихъ молю о милосердіи: не пожер-
швуй мечпашельной спыдливоспи жизнию
моею.“ —

Дѣвица усмѣхнулась: робко смопрѣла
она шо на Филлиду, шо на просишеля, ко-
пторой уже съ полною надеждою, прижи-
мая губы свои къ лебединой рукѣ ея, ощу-
щаль предвкушеніе изцѣленія.

„При случаѣ,
говорила она покраснѣвшись, Нифма уча
меня сказывала, при случаѣ можешь ты
и юношу изцѣлишь опть пчелинаго жала;
но шолько бы юноша сей былъ такой, ко-
пторой никогда еще не забавлялся въ су-
мерки съ паспушкою, такой юноша, ко-
пторой бы не всюду болшаль о подаркахъ,
даваемыхъ богинями дѣвушкамъ; да и шо
немногихъ юношей, ахъ! одного шолько,
если можно, должна ты изцѣлишь. Но
и сему одному должна ты рѣдко и въ
шайнѣ благодѣшельспвовашъ чаровашель-
нымъ вспомошеспвованіемъ твоимъ. При-
манчивоспъ и сила его исчезаюпъ, когда
многіе воспользуюпъя онымъ!“

За симъ съ ангельскою пріятноспію
дѣвушка наклонилась ко мнѣ. — Боги! ча-
ялъ ли я, чшобы невинной обманъ, чшобы
пылкая въ испушленіи ошущенная мину-

ша могла навсегда похитить весь покой сердца моего? — Каково было мнѣ при сей райской мечтѣ, когда она съ нѣжноспію прикоснулась ко мнѣ, уста прижались къ устамъ? — О! сего никакой языкъ никогда не выразитъ! Она шептала чаровашельную приговорку, копорая попряшисъ въ груди ея исходила воздыханіемъ; — но ахъ! чѣмъ болѣе роса любви опъ ея поцѣлуя проникала въ душу мою, тѣмъ неуполимѣе было желаніе мое.

„Не уже ли еще болишь?“ —

„О дѣвица! швое чудодѣйство велико! Когда губы швои прильнушы къ моимъ, шогда изцѣленіе разливаекся по всему сосшаву моему; когда же оныя опнимешъ опъ моихъ, ахъ! шогда боль опяшь возвращаекся.“ — Просшакъ я, выпросилъ у дѣвушки еще при поцѣлуя и при шептанія! Аманта! шы меня удивительшо перемѣнила! Только опъ пчелинаго уязвленія хопѣла шы изцѣлишь меня, ахъ! я поцѣлуями швоими жестоко произвела глубокую рану въ серцѣ моемъ.

И. Мвѣ.

О обычаяхъ.

Люди придерживаются своихъ обычаевъ болѣе нежели нравовъ, болѣе нежели законовъ, и часто болѣе нежели вѣры своей.

Обычаи народа составляютъ часть его нравовъ, съ тѣмъ за всегда различіемъ, что нравы сопряжены съ главными правилами, всѣмъ извѣстными и уважаемыми, и не иначе могутъ измѣниться, какъ развѣ народъ сдѣлается лучшимъ или худшимъ. Напротивъ того перемѣна въ обыкновеніяхъ, которыя всегда бываютъ мѣстные и коихъ происхожденіе часто бываетъ неизвѣстно или удерживается только по народнымъ преданіямъ, можетъ ни малаго не имѣть участія въ судьбѣ того же самаго народа, и никакъ не дѣлаетъ перемѣны въ его благосостояніи.

Пусть зарываютъ мертвыхъ, какъ нынѣ, или пусть сожигаютъ ихъ, какъ прежде: это такіе обычаи, перемѣна коихъ мало окажетъ вліянія на судьбу народа, который позволитъ себѣ оную; но самый сей народъ упадетъ и развра-

щается, когда переспанешь уважать гробницы.

Пусть ѣдятъ лежа на кровати, какъ древніе, или сидя на стулѣ, какъ наши современники: это также равно, какъ для здоровья, такъ и для нравственности; но привычка къ пресыщенію и пьянству равномѣрно противна добрымъ нравамъ и здоровью.

Если какой нибудь обычай древень, хорошо обдуманъ и повсюду успановленъ, то никакъ нельзя оставишь его, не бывъ подверженнымъ прослышь за Циника или за челоуѣка чужестраннаго въ собственн-ной своей отчизнѣ. Таковы, напр. обыкновенія носить прауръ по усопшимъ, благодарить шѣхъ, кои насъ одоужаютъ, привѣщивать друзей, посылатъ взаимныя поздравленія съ чашупленіемъ новаго года и не говоришь грубо съ родителами и старшими.

Неблагодарно даже опровергать слишкомъ открыто скоропр. ходящія успановленія моды. Живучи въ свѣтѣ, должно жишь, одѣвашся и говоришь какъ и всѣ прочіе. „Мудрый, говоришь Фонпенель по-позволяетъ себя одѣвать своему портному.“ Одѣвался по Армянски посреди Пари-

жа, Ж. Ж. Руссо хотѣлъ сдѣлаться замѣшнымъ, и успѣлъ только въ томъ, что всѣ надъ нимъ смѣялись.

Многіе подобно Ж. Ж. Руссо думали опличиться, пренебрегая общепринятыя обыкновенія, или прошиваясь общимъ мнѣніемъ. Сего рода мятежничество можешь имѣть успѣхъ, когда оно выдерживается съ великимъ разумомъ. Въ противномъ случаѣ оно извлекаетъ улыбку сожалѣнія, возбудивъ напередъ минувшее удивленіе.

„Иной, говоритъ Дюкло, признается за дурака потому только, что хотѣлъ утверждать противное. Никогда не мспяшь въ половину, бывъ обмануты его увѣреніями.“ Но уважая обычаи своей земли, не должно думать, что обычаи другой земли смѣшны или достойны презрѣнія. Умѣренность въ такомъ случаѣ есть первая спашья устава общественнаго.

„Естьли кто нибудь думаетъ, говоритъ еще Фонпенель, что нельзя ни одѣваться, ни привѣщивать, ни говорить иначе, какъ по модѣ его отчизны; по мой совѣтъ, чтобы онъ путешествовалъ.“

Прежде Французскій народъ былъ изо всѣхъ народовъ самой ропозѣйливой и насмѣшливой, потому что онъ менѣе другихъ путешествовалъ. Его обычаи казались ему одни достойными похвалы, одни, которыми можно превозноситься.

Въ семъ случаѣ Греки не лучше Французовъ разсуждали. Все, что было не по Гречески, казалось имъ варварскимъ.

Съ одной стороны суетноснѣе, а съ другой невѣжеснѣе, дѣлаютъ насъ несправедливыми и злыми принципами: человекъ наилучше воспитанный еснѣ также и самый снисходительный.

Когда всѣ дѣла управлялись острѣемъ меча, тогда оскорбленная честь алкала крови, и за нее сражались. Сей обычай былъ варварской, но должно было сообразоваться съ онымъ.

Нынѣ дѣла рѣшаются остроумомъ ума, другъ друга подсмѣиваютъ; и сей обычай забавнѣе, но не вездѣ тершимъ.

Когда обѣдывали въ два часа, то ужинали въ десять. Вечеринки были тогда пріятнѣйшею вещию въ свѣтѣ. Сей обычай былъ самой Французской.

Съ того времени, какъ начали обѣдать въ шесть часовъ, перестали ужина-

нашь и смѣяться: но веселосшь возвра-
нулись съ ужинами.

Есть обыкновенія, кои теряются во
мракѣ времянь и коихъ произхождение и
причину напрасно было бы изыскивать.
Таковъ есть обычай привѣтствовать сня-
тіемъ шляпы. Какое отношеніе между
почтениемъ и не покрывною головою? В -
спочные народы въ подобномъ случаѣ до-
вольствуются положеніемъ руки на чело.

Есть и другіе, кои кажутся бытъ
опринуты здравымъ смысломъ: шакое
есть обычай давать преимущество пра-
вой рукѣ предъ лѣвою. Кромѣ того, что
обѣ руки равномерно намъ даны приро-
дою, справедливо еще и то, что мы ше-
ряемъ ничто, не употребляя оныхъ без-
различно: ибо та рука, которая меньше
служитъ, становится лѣнливѣе и слабѣе.

Есть еще обыкновенія, которыя съ
перваго взгляду кажутся намъ странны-
ми, несправедливыми и тиранническими;
но коихъ мудросшь легко познается по
разсудительнѣйшемъ изслѣдованіи и ко-
гда мы принимаемъ трудъ изыскать про-
изхождение оныхъ во нравахъ того вре-
мени, въ какое они установлены.

Таковъ, между прочими, обычай, заставляющій мужа быть отвѣтчикомъ и жертвою худаго поведенія своей жены. Сей обычай, бывшій причиною толликихъ жалобъ въ судилищахъ, толликаго числа дурныхъ шутокъ въ зрѣлищахъ и толликихъ злословій въ обществѣ, не есть предразсудокъ, какъ о томъ говорятъ; это послѣдствіе, происходящее вмѣстѣ отъ силы естественной, которою Природа одарила мужчину для защищенія и покровительства пропиву виѣшнихъ нападений соупницы его жизни и машеридѣшей его; и отъ силы нравственной, каковою гражданскіе законы уполномочиваютъ главу семейства управлять своимъ домомъ, удерживать жену въ нѣдрахъ своего семейства и осперегать ее отъ опасности, могущей произойти отъ собственной ея слабости, такъ какъ и отъ сѣшей, разспавляемыхъ для нее щеславіемъ, жеманствомъ, праздностію и худымъ примѣромъ; научать ее находить сладоспнѣйшія удовольствія въ исполненіи своихъ обязанностей. Мужъ, не радящій о женѣ своей, легко можетъ лишиться оной. Сія потеря навлекаетъ ему без-

честіе, а сіе безчестіе есть праведное наказаніе за его нерадивость.

Въ Драммѣ *Нанна*, Баронша говоритъ Графу Ольбану:

„Топъ глупъ, впо надъ обычаемъ смѣется. —

Графъ отвѣчаетъ ей брюзгливо:

— „Для мудрыхъ никакой обычай не ведется.“ —

Конечно сей отвѣтъ не разуменъ, но Вольшеръ, будучи ревностнымъ сподобникомъ системы, предполагавшей переплавить все старинное общество, никогда не принималъ на себя труда изслѣдовать съ важностію послѣдствій предпріятія, которое увлекало его, со многими другими, къ разрушенію всѣхъ обычаевъ.

Ничто такъ не соблазнительно въ книгахъ, какъ картина золотого вѣка, какъ-вѣтъ нѣкоторыя Экономико-Политическія писатели хотѣли возвратитъ на землю. Извѣстно, чего намъ стоило желаніе привести въ событіе мечты ихъ воображенія. Мы чрезъ печальный опытъ увѣрились въ опасности ихъ правилъ касательственно щещности чиновъ, равенства, раздѣла земель, равновѣсія могущества и

пр... Нельзя болѣе обмануть насъ въ семь случаѣ и не позволимельно испыпы-вашь.

Баронша не безъ причины призвала въ помощь обычай прошивъ неравнаго бра-ка, могущаго обезславить Графа, не до-ставивъ ему того блаженства, котораго онъ искалъ въ ономъ. Неравные браки рѣд-ко доставляли щасливья супружества, и шѣ, кои для оправданія оныхъ говорили, что благородство души гораздо лучше знашнаго произхожденія, сдѣлали ложное упопребленіе изъ древней и всѣми при-знанной истинны.

Спрасшь, приводившая въ заблужде-ніе Графа, извиняетъ его опвѣшъ, но не оправдываетъ онаго. Мудрый не презира-етъ ни въ какомъ случаѣ обычаевъ, успа-новленныхъ въ его опчизнѣ, ушвержен-ныхъ временемъ, и еще того менѣе, когда оные одобрены здравымъ разсудкомъ.

Обычай, моды и обряды суть законы общества, опъ знанія коихъ никакъ не-льзя опрекашья, живучи въ обществѣ. Честной человекъ не можетъ бышь ра-бомъ оныхъ, но и того менѣе, ихъ про-шивникомъ и порицателемъ.

„Должно повиновашься правиламъ обыкновеній, говоритъ Монпанъ, но не подчиняшьяся онымъ, если они не суть польза, обязанность и служеніе коимъ суть полезны. Жизнь общеспвенная посвящена обрядамъ; моя, скрытая и частная, наслаждается всею свободою, дарованною намъ отъ Природы.“

22.

В ъ с т о в щ и к и.

(Изъ *Монтескье*) (*)

Есть народъ, называемый *Вѣстовщиками*; при всей своей праздности, они всегда заняты, и будучи вовсе бесполезны для Государства, считаютъ себя однакожъ весьма для него полезными, пошму что болтають о важныхъ предпріятіяхъ и разсуждаютъ о великихъ выгодахъ онаго. Основаніемъ ихъ разговору служить пустое и смѣха достойное любопытство. Не существуетъ такого таинственнаго кабинета, въ которой бы они

(*) Здѣсь изображеніе сіе нѣсколько сокращено.

не думали проникнуть: они никакъ не согласяшся не знавъ о чемъ нибудь. Коль скоро вычерпають все насипящее, по принимаются за будущее, и дѣлаясь какъ бы предпечами Прозидѣнія, всзвѣщаютъ напередъ всѣ дѣянія человѣческія; ведутъ за руку какого нибудь Полководца, и разхваливъ его за тысячу глупостей, копорыхъ онъ не дѣлалъ, приготавлиють ему тысячу другихъ, копорыхъ онъ никогда не сдѣлаешъ. У нихъ войска летаютъ, какъ журавли, а крѣпосныя спѣны падаютъ, какъ будшо карпочные домики; у нихъ есть мосты на всѣхъ рѣкахъ, пошасенные ходы на всѣхъ горахъ и неизчерпаемые магазейны на непроходимыхъ пскахъ: у нихъ ни въ чемъ нѣшъ недоспашка, кромѣ здраваго смысла.

23.

П р а з д н о л ю б ц ы.

(Изъ Монтескье.)

Говорятъ, что человекъ есть животное, любящее общежитіе. Принимая въ сешъ смыслъ, мнѣ кажется, что Фран-

цюзъ есть болѣе чловѣкъ, нежели всякой другой: это чловѣкъ по превосходству, ибо онъ какъ будто бы единственно созданъ для общества.

Но я примѣшилъ между ними людей, которые не только общежительны, но сами собою составляютъ повсемѣстное общество. Они размножаются по всѣмъ угламъ и населяютъ въ одну минуту всѣ четыре части города: сто чловѣкъ сей породы гораздо замѣннѣе, нежели двѣ тысячи гражданъ; въ глазахъ чужестранцевъ они могли бы замѣнить опустошенія, причиненныя моровою язвою или голодомъ.

Въ школахъ предлагается вопросъ: можетъ ли одно и тоже шѣло находиться въ одно и тоже время на многихъ мѣстахъ? — Они служатъ доказательствомъ тому, о чемъ философы вопрошаютъ.

Они находясь въ безпреспанномъ занятіи, попому что приняли на себя важное дѣло спрашивать всѣхъ, кого видятъ: куда идете? и откуда идете?

Никогда бы ихъ не разувѣрилъ въ томъ, что благоприсойность пребываетъ посѣщая ежедневно всю публику по частямъ, не считая уже шѣхъ посѣщеній,

которыя дѣлають они *вообще*, въ тѣхъ мѣстахъ, куда люди сходящяся но какъ дорога къ шаковымъ мѣстамъ весьма коротка, по сии посѣщенія считались за ничто въ правилахъ ихъ церемоніала.

Они болѣе утомляють ворота всѣхъ домовъ своимъ снуккомъ, нежели вѣтры и непогоды. Еслибы пересмотрѣвъ записную книгу всѣхъ приворошниковъ, по каждой день можно бы найши имена ихъ, искаженныя въ тысячи видахъ шлейцарскимъ писаньемъ. Они влачатъ жизнь свою, или провожая погребательныя шесивія, или выражая свое соспрананіе, или поздравляя со свадьбою. Король гакогда не дасиъ награжденія кому либо изъ своихъ подданныхъ, безъ того, чпобъ они не наняли карены и не ѣхали изъявляшь радость свою о томъ; наконецъ они возвращающяся домой въ крайнемъ изнеможеніи, и опдыхають, дабы на завтра снова приняшь за многотрудные свои подвиги.

Одинъ изъ нихъ умеръ недавно отъ усшалости, и на гробѣ его написали слѣдующую эпитафію:

„Здѣсь покоишя шотъ, кто никогда не
„успокоивался: онъ проводилъ 530 похоро-
„ронъ, радовался о рожденіи 2680 мла-

„денцевъ; пенсіи, съ копорыми онъ по-
„здравлялъ друзей своихъ, и всегда въ ра-
„зныхъ выраженіяхъ, проспирающся до
„2,600,000 ливровъ; дорога, пройденная
„имъ по мосповой, до 9600 спадій, а по
„полю — до 36. Разговоры его были весь-
„ма занимательны: онъ помнилъ наизусть
„по вѣрному счету 365 анекдотовъ; къ
„тому же совершенно зналъ еще съ ма-
„лыхъ лѣтъ 118 апоѳегмъ, взяпыхъ изъ
„древности, и упошреблялъ ихъ при оп-
„личныхъ случаяхъ; наконецъ онъ умеръ
„на 60 году своей жизни. Прохожій! я
„молчу; ибо какъ могъ бы я пересказать
„тебѣ все, что онъ дѣлалъ и что ви-
„дѣлъ?“ —

24.

Журналы и Журналисты.

(Изъ Монтескьё.)

Письмо Персіяннина къ своему другу изъ
Парижа.

„Есть нѣкотораго рода книги, коихъ
не знаюшь у насъ въ Персіи, и копорыя,
мнѣ кажется, здѣсь въ великой модѣ: онѣ

называются Журналами. Для лѣноспи весьма лестно читать ихъ: ей утѣшно то, что она можетъ въ четверть часа пересмотрѣть до шестидесяти книгъ разнаго содержанія.

Въ большей части книгъ Сочинитель не досказалъ еще обыкновеннаго предувѣдомленія, какъ уже читатели находятъ при послѣднемъ издыханіи; онъ вводитъ ихъ полумертвыхъ въ содержаніе книги, заплывшее въ море словъ. — Одинъ хочешь содѣлаться бессмертнымъ, написавъ книгу въ 12 долю; другой своею въ 4 долю; претій, имѣя самыя лучшія намѣренія, берется написать въ листъ: и такъ должно, чтобы онъ разпространилъ свой предметъ соразмѣрно величинѣ книги, что онъ дѣлаетъ безъ всякой жалости, считая за ничто съ раданія бѣднаго читателя, которой мучитъ себя, спрашивая то сократишь, что сочинитель съ толикимъ трудомъ старался распространить.

Не знаю, что хорошаго находятъ писать подобныя сочиненія: я могъ бы сколько же ихъ насписать, если бы захотѣлъ разстроить свое здоровье и разорить книгопродавца.

Журналисты очень худо дѣлають, что говоряшь о новыхъ только книгахъ, какъ будто истина можетъ быть нова. Мнѣ кажется, что чловѣку нѣтъ никакой нужды предпочитать старымъ книгамъ новыя, пока не прочтеть всѣхъ первыхъ.

Но налагая на себя законъ говорить о сочиленіяхъ нововыпечатанныхъ, они налагають на себя еще другой, именно тошть, чтобъ быть весьма скучными. Они не берутся критиковать тѣхъ книгъ, изъ которыхъ дѣлають извлеченія, какъ бы ни сильна была ихъ на то причина; въ самомъ дѣлѣ, найдется ли такой смѣльчакъ, чтобы согласился дѣлать себѣ каждой мѣсяць по десятку или по дюжину веприятелей?

Большая часть сочинителей похожи на спихотворцевъ, которые могутъ вытерпеть стучу палочныхъ ударовъ не жалуюсь; но столь мало заботясь о своихъ плечахъ, бывають толико ревностны къ своимъ твореніямъ, что не могутъ вытерпеть самайшей критики. Надобно крѣпко беречься, чтобъ не зацѣпить ихъ за толь чувствительную струну, и Журналисты твердо сіе помнятъ. По се-

му они дѣлають совсѣмъ напрошивъ: сперва начинаютъ они хвалять содержаніе сочиненія, — первая *слабость*; опшуда переходящъ они къ похвалямъ сочинителя — похвалямъ принужденнымъ: ибо они имѣють дѣло съ людьми, готовыми за себя спрого всупитья и поразить ударами перьевъ дерзновеннаго Журналиста.

О. Соловь.

III.

С М Ъ С Ъ:

I.

Пѣсня Американская.

Прійди ко мнѣ, любезна *Зара!*
И не сердися на меня,
Ушѣшь ты вѣрнаго *Навара,*
Который дышетъ для тебя!

Напрасно, *Зара!* убѣгаешь
Опъ быстрой съ крыльями любви,
Напрасно ты сокрышься чаешь
Опъ видящей во тѣмѣ совы.

Ни рѣки, ни лѣса, ни горы,
Мой быстрый бѣгъ не пресѣкутъ,
Вездѣ мои проникнуть взоры,
Вездѣ открытъ мнѣ будешь путь!

Я взлѣзу на древа высоки,
Я рѣки преплыву глубоки,
Я оборву съ кустовъ лисны,
Лишь бы увидѣшь мнѣ, гдѣ ты!

Уже на землю ночь нисходишь,
И свѣтъ очей моихъ приходишь,
Уже сближаются уста:
Будь вѣкъ такая темнота!

Мслвчъ.

2.

Двойные Акrostихи.

1.

Могу ли не любить тебя всечасно зря — — —
Ахъ! выше силъ моихъ молчашь — скрываешься въ спрaсши,
Рѣши судьбу мою! — чего мнѣ ждaшь пeнeРь? — — —
Иль жизнь съ любовью? — смерть, послѣдствіе опкaзд? —
Я жду: скажи скорѣй!! — писать хочу къ другИмъ.

2.

На шоль тебя узналъ, чшобы опдaшься въ плѣнИть?
Ахъ! — сильной спрaсшию горю — часа ужъ двa,
Другихъ оставилъ я; — исполнишь чшобъ обрaдъ —
Я долженъ же спросишь: — щаспливымъ будуль Я?

3.

Спросишь осмѣляюь коль — спросишь хочу тебЯ;
О чемъ? — рѣшишь презлой судьбы моей напасши:
Философъ я, чудакъ, монахъ, но не ТаршюФъ,
И такъ спрошу: — мы любимъ ли другъ друга спрaсшиО?
Я — нѣшъ, и не любилъ; а ты? — мы квипшъ... смѣюсь!

4.

Люблю! — люблю! — какъ никого я не любилъ,
И поспоянно все люблю тебя — при... дни!
За чемъ спрадаю такъ я въ жизни первый разъ?
Ахъ! ѣхашъ со двора мѣшаешь мнѣ погодa!

5 и послѣдній.

Послушникомъ я былъ, гуспа была брада!
Амуръ пощекочалъ... спасенію шабашъ!
Шшандарть любви блеснулъ, иду служишь сюда!
Ахъ! вѣчноль буду я носишь любви цѣпь!

Г. Квитка.

3.

На прозьбу написать пѣсню на снурокъ.

Слышаль я, что ты всѣхъ просишь,
На *снурокъ* илюбъ написашь;
Но *снурковъ* ты много носишь,
Я незнаю, какъ начашь.

Коль *снурокъ* ты получаешь
Отъ невинныя красы,
Отъ которой ты страдаешь;
Вздерни ты его въ часы.

Отъ старухи коль *снурочикъ*
Получиль, любезной мой!
Завяжи имъ ворошочикъ
И платкомъ его закрой.

Если отъ купчихи тучной
Есть *снурочикъ*: всѣмъ кажи;

Въ знакъ любви благополучной,
Въ проточку снурокъ вяжи.

—
Естьлижъ ты прельстиль Кокешку,
И отъ ней имѣешь снуръ:
Изъ снурочка сдѣлай сѣтку,
Чтобъ увязнулъ въ ней Амуръ!

—
Коль опъ вздоховъ нѣшь награды:
Презри мира суеты,
Прекрати снуркомъ досады,
На любомъ повѣсься ты!

С . . . М . . . . на

—
4.

Аминтѣ.

Гдѣ журчалъ ручей сребристый
И цвѣточки напоялъ,
Гдѣ высокій дубъ вѣтвистый
Громъ и бури презиралъ:

—
Тамъ Аминтѣ, пастухъ лѣ безный,
Приорюнивши сидитъ;
Проливаетъ токи слезны,
Что пастушка не глядитъ.

Изломалъ свою свирѣлку,
Съ грусти цѣлый день не ѣлъ....
Люди часто за бездѣлку
Плачуть — ихъ такой удѣлъ!

Молвь.

5.

Хандра.

Скажи мнѣ, отъ чего такъ сильно ты груспишь?
Въ кругу семьи своей, повѣся носъ, сидишь;
На всѣхъ ты сердишься: за что? — и самъ не-
знаешь,
Съ утра до вечера ты зъ карты лишь гадаешь:
Съ шерпѣня выведешь, всѣхъ стонишь со двора —
Ну, что же ты молчишь? — *Хандра, мой другъ!*
Хандра.

Чтожь это за Хандра? меня ты вразуми
И дружеской совѣтъ, пожалуйста, прими:
Взгляни ты на жену, на пещу, на сыночка,
Кто знаетъ? — можетъ быть, еще родится
дочка:
Все должно веселить — и Катинька сестра.
Охъ! вижу, признаюсь: — *Хандра, мой другъ!*
Хандра.

Да растолкуй же мнѣ, какая савана
Вселилася въ тебя? или болѣзнь она? —
Давно ли на Руси? — отъ куда къ намъ яви-
лась?

Съ *Еленыль*, съ *Ельбы ли*, и гдѣ она родилась?
Скажи! такъ по шеямъ прогнать ее пора.
Не знаю ничего — а знаю, что *Хандра!*

Какой же ты дуракъ со всей твоей Хандрой!
Коль такъ она мила, такъ храмы ей построй;
Когда не хочешь внять ни дружбѣ, ни разсудку,
Не мучь же всѣхъ собой: возьми ты въ руки
дудку,
Броди ты по лѣсамъ отъ утра до ушра,
Свисти и воспѣвай, *Хандраловна*, *Хандра!*
С.

6.

К ъ . . .

Дай ростъ тебѣ... имой, по больше,
Не такъ квадрашень спань — попоньше,
Дай раза въ три лице бѣлѣй,
Свѣжѣй,
Круглѣй,
Милѣй —
Дай вдвое меньше губы
И поровнѣе зубы,
Дай наконецъ не такъ искривленъ носъ,
И лѣвой глазъ чтобъ не былъ косъ:
Тогда и ты... — судя не строго,
Моглабъ занять не много. —

7.

Къ С.

Чтобъ удивить, Рафаиль! свѣтъ,
Спиши ты съ С. . . . . поршрешъ.

8.

Къ портрету Оберъ-Обдиралова.

Съ лица никакъ нельзя имѣть догадки,
Какъ мастерски берешъ снъ взяшки.

9.

*Въ Альбомъ
О. Б. Р.*

Чтобы испортилъ первый листъ
Въ Альбомъ вашемъ Журналистъ
Вы эшаго желали.
Прекрасный вашъ Альбомъ на шопъ конецъ при-
слали!
Но что же онъ напишетъ въ нёмъ? —
Въ Альбомъ попребно больше лести,
Я съ нею вовсе незнакомъ;
А испинъ напишетъ гешовъ я вамъ, хошь двѣсти.
Извольте слушать вошь онѣ:
Что вы умны — въ шомъ нѣтъ сомнѣнья,
Что вы скромны — шо знаютъ всѣ. —
А по сему знакъ удивленья
Поставлю я на споронъ!

Прибавя къ удивленью почку
Окончу шѣмъ послѣдню строчку.

Мслвчъ.

10.

К ъ С о с ѣ д у.

Ну что любезный мой сосѣдъ,
Какъ кажешся тебѣ мой медъ? —
Вчера съ тобой мы погуляли,
Безъ церемоній, безъ чиновъ,
И только лишь вчера узнали:
Межъ нами можешь быть любовь!

*

Вчера я очень весель былъ,
Себя и цѣлый свѣшь забылъ,
Забылъ мою я даже *трубку!*
Не знаю какъ я съ головой?
Вчера соорили мы шушку
Не скоро намъ дождатъ другой!

*

Мы здѣсь погда лишь и живемъ,
Когда смѣемся и поемъ!
Вотъ только жизни наслажденье —
А остальное вздоръ и пыль.
Кому день каждый *Воскресенье,*
Такъ можешь пошь сказать, я жилъ!

Мслвчъ.

Оглавленіе III части.

	Стр.
1. Ушаида (Поема) - -	3
2. Иншересь (Сашира) - -	9
3. Ода на миръ Европы, превра- щенная въ баснь - -	18
4. Проповѣдь и Басня (баснь) - -	25
5. Голубь и Воронъ - -	26
6. Волкъ въ паспушьемъ нарядѣ - -	27
7. Наполеоновы Шахматны - -	29
8. Рифмачъ и Смерть - -	30
9. Панегириспу А... Н... (эпиграмма)	32
10. Она - - -	—
11. Перемѣна плашья - - -	—
12. Крепу - - -	33
13. Рай - - -	—
14. Кучеру (эпишафія) - - -	34
15. Педаніу Силѣ - - -	—
16. Турецкому Султану - - -	—
17. Паспуху Гончаренку - - -	35
18. Климу - - -	—
19. Изъясненіе въ любви одного при- казнаго - - -	—
20 Письмо изъ Европы - - -	38

II

	<i>С м ѣ с њ.</i>	Стран-
21.	Пѣсня Лапландская - -	56
22.	Экспромтъ Е. В. К—вой - -	57
23.	Къ Вертеру - -	58
24.	Въ Альбомъ - -	54
25.	Акрестихъ - -	—
26.	Надгробіе философа Демокрипа	—
27.	Пѣсня Надовеская - -	60
28.	Упреки ума — сердцу - -	—
29.	Рецептъ - -	61
30.	Г. Квишкѣ - -	62
31.	Каламбуръ - -	64
<hr/>		
32.	Ушайда (впорая пѣснь) - -	67
33.	Ода С. . . . - -	75
34.	О Граціи - -	77
35.	Юпишеръ и Нешопыри (баснь)	78
36.	Саксонскій Мужикъ - -	79
37.	Пчолка - -	80
38.	Воззваніе къ Конямъ одного Коня	—
39.	Болшуну (эпиграмма) - -	82
40.	Сновидѣніе - -	83
41.	Невѣроятный слухъ - -	—
42.	Къ мѣновщикамъ на сполахъ - -	—
43.	Предсказаніе - -	84
44.	Новванскому (эпишафія) - -	85

III

	Стран.
45. Младенцу - - -	85
46. Мнѣ - - -	—
47. Описаніе славнаго парика И. И. Р.	86
Піесы Рускаго Солдаша: - -	87
48. I. Посланіе Марса къ Аполлону	—
49. II. Свиданіе Марса съ Венерою	90
50. III. Разговоръ пріѣзжаго съ жи- шелемъ - - -	95
<hr/>	
51. Ужаленіе пчелы или первой по- цѣлуй - - -	96
52. О обычаяхъ - - -	101
53. Вѣсповщики - - -	109
54. Празднолюбцы - - -	110
55. Журналы и Журналисты - -	113
 <i>С м ѣ с т ѣ.</i> 	
56. Пѣсня Американская - - -	117
57. Двойные Акроспихи - - -	118
58. На прозъбу написать пѣсню на снурокъ - - -	119
59. Аминшъ - - -	120
60. Хандра - - -	121
61. Къ . . . - - -	122
62. Къ С. - - -	123
63. Къ поршрешу Оберъ-Обдиралова	—
64. Въ Альбомъ - - -	—
65. Къ Сосѣду - - -	124